

„Советская культура“, Москва
13 июня 1959.

Путь начал...

ПЕРВАЯ пьеса О. Стукалова, названная им «Карточный домик», — произведение молодое и страстное, в котором начинающий литератор стремится решать сразу многие проблемы жизни, ищет ответа на многие вопросы. Его волнует судьба молодого поколения советских людей, он задумывается — как, в каких условиях должны формироваться характеры будущих строителей коммунистического общества, размышляет о любви и дружбе, низвергает приспособленцев и тунеядцев, с молодым гневом отворачивается от мещанства, клеймит то дурное, что получили мы в наследство от прошлого. И все это он делает с молодым задором, с наивным подчас гневом, порой с обидой, неизвестно откуда возникшей у человека столь молодого... В пьесе уживается поэтическое, какое-то даже возвышенное прославление высоких норм морали, светлой души советского человека и нотки ущербности, душевные сомнения, пусть преодолеваемые писателем, но все же тревожащие его. Эти два течения не сливаются воедино. Они существуют в пьесе рядом, они — словно неожиданная смена настроения характера неуравновешенного.

То же и в спектакле Малого театра, театра, поверившего в Стукалова и много сил отдавшего его пьесе. Ведь это именно театр помог драматургу укрепить позитивную часть пьесы, помог зазвучать молодому голосу бодро и ясно.

И все же...

В первом акте спектакля выясняется, что студенты Нина и Коля полюбили друг друга. Но родители юноши, не веря в силу чувства, а главное — в постоянство своего балованного сына, холодно встречают его невесту. Тем более, что Коля только что бросил институт. Но решение Коли и Нины быть вместе непреклонно. И вот вечер, уголков парка. Два чемодана, сумка и теннисная ракетка — все пожитки героев свалены на скамейке. Здесь и пристроилась на ночевку светловолосая героиня Нина — Р. Нифонтова. Рядом Николай — Н. Подгорный тихо при свете звезд любит задремавшую невесту.

Здесь их и находит молодой круглолицый паренек милиционер Петя (артист Г. Сергеев) и приводит под свой кров, в полуразвалившийся домишко № 13 в «Последнем тупике». И вот герои (а как трудно им, два десятилетия прожившим под родительским крылом!) делают свои первые шаги по жизни, учатся распознавать людей. Большая любовь, настоящая дружба выдерживают все. Коля находит свое призвание в журналистике. Нина кончает институт. Самостоятельная жизнь оказалась хорошей школой.

Рушится хибарка, приютившая их, на месте ее — тонкие стволы деревьев молодого сада и величественные корпуса новостроек.

Сцена эта, когда на глазах у зрителей люди в комбинезонах ломают старый, окрашенный временем в унылые и блеклые тона дом, должна, вероятно, символизировать в спектакле окончательную победу прогрессивного, нового и в жизни нашей, и в сознании людей. Можно было бы, вероятно, найти иное, не такое «механически-конструктивное» завершение пьесы и спектакля, решить финал в плане психологическом. Но и это — путь возможный, во всяком случае наглядный.

Да, в светлое будущее смело идет Нина, которую Р. Нифонтова рисует мягкой и ясной, светлой и доброй, очень правдиво произнося ее лирические тирады о любви (однако не ограничивает ли себя актриса, не слишком ли похожа эта ее

♦
«Карточный домик»
О. Стукалова на сцене
Малого театра
♦

героиня на два предыдущих женских образа, созданных ею на сцене Малого театра?). Рядом с ней друзья ее, положительные герои, простые хорошие ребята — милиционер Петя и слесарь Игнат. Вот уж чьи образы раскрываются писателем и исполнителями любовно, тщательно. Герои эти наделены и обаянием, и самобытным, привлекательным и верным взглядом на мир. У артистов Г. Сергеева и В. Доронина, пожалуй, наиболее точное сочетание серьезности и лиризма с юмором и доброй комедийностью, так характерные для пьесы. Сцены их, как и многие эпизоды спектакля вообще, решены режиссером Д. Вурсом искренне, взволнованно.

Так же взволнованно играет центральную роль Николая Н. Подгорный. Да, взволнованно. Но что же это за характер?

Много спорного в Николае, юноше, непонятно чем и как обиженном и даже озлобленном. По мысли автора пьесы, герой этот должен пройти путь возмужания. Влияние советской жизни должно с корнем уничтожить зародыши нигилизма и бравады, которые чем-то роднили Николая с теми сердитыми молодыми людьми, о которых столько говорят и пишут на Западе. Но, к сожалению, уже к середине пьесы обрываются дорожки, которыми идет к возмужанию герой. Появляются мелкие недоразумения с Ниной, ревность и, наконец, совсем уж странная история с Гаврилиным, пытающимся «заманить» юношу в тенега своей страшной философии. И интерес к этому, уже теперь мелкому, копанию в душе героя быстро тускнеет. Поэтому в итоге торжество нового в характере и судьбе Николая не так уж и волнует...

Страстную непримиримость Николая ко всяким недостаткам, его неумение уживаться со всякой скверной Подгорный передает искренне и уверенно. Хорошо, что гневные выступления перебиваются в поведении его детской неуравновешенностью, вспыльчивостью. И сцены смешные артист проводит весело, легко, стремительно. Но вот в поэтических монологах его героя есть какое-то излишнее напряжение, излишняя нервозность. Смягчить, «успокоить» Николая — вот о чем, думается, следует позаботиться молодому исполнителю.

Впрочем, это не так просто. По ходу событий Николай сталкивается с Гаврилиным, пропойцей «из бывших», являющимся «главным злом» в пьесе.

«Тихий клопик», он же «великий утешитель», Гаврилин в исполнении Н. Светловидова — это персонаж чуть ли не театра Горького, это хитрая, злая сила. Приземистый грязный старикашка со сползающими штанами и шныряющими глазками, фигура омерзительная до физической дрожи и великодушная по тому мастерству, с которым она выполнена. Но ведь Гаврилин этот, да и все, что происходит с ним, гнусное, грязное, совершенно не вяжется с пьесой, привносит в нее ненужные ноты. Да и не жизненно все это! Ведь скорее обитателем книжной полки, чем реально существующим человеком наших дней выглядит этот оживленный фантазией драматурга мираж прошлого, осколок царского режима, Гаврилин. И не преувеличил ли еще роль этого эпизодического персонажа режиссер? Ведь сцены, где он действует, невольно вносят в спектакль чуждую ему мрачную окраску.

И еще кое о чем хочется поспорить с постановщиком. Есть прямолинейность в решении отрицательных персонажей (хотя они, надо сказать, грубее выписаны и в пьесе). Вряд ли «стиляжка» Нора — женщина, променявшая труд и любовь на «модное» прозябание, эта беспутная «рыжая и белая кошка», которую от спокойной жизни потянуло на крышу, на которая в пьесе все же не лишена наивного обаяния, — должна была выглядеть такой нечеловечески грубой, наглой и циничной. К. Рок играет эту роль смело и сильно, в соответствии с мыслью режиссера, употребляя краски предельно яркие. А может быть, мещанство — одно из зол, с которыми вступает

в бой Стукалов, — могло разоблачаться тоньше и умнее?

Во многом это относится и к трактовке характера «литератора-плагиатора» Васина. В. Горбатов далеко не во всех сценах нашел верный тон осуждения психологии своего героя. И уж совсем лишены достоверности сестра Николая, ее муж — тряпка, бюрократ — работник редакции...

Пьесе, разбитой чуть ли не на двадцать эпизодов, нужна была организующая рука режиссера, которая направила бы отдельные ее сюжетные линии в общее русло, которая помогла бы преодолеть ее композиционную несобранность. В спектакле же не хватает именно единства. Не помог режиссеру Д. Вуросу художник Э. Стенберг, внесший разностильность еще и в оформление.

Большая часть сцен проходит в удачно придуманной декорации: старый, с обвалившейся штукатуркой дом поворачивается к зрителям разными своими сторонами — то одна комната открывается перед нами, то другая. И в каждой своя, особая жизнь. Но как соединить с этим «натуральные» кисти сирени на кустах парка или невыразительный, но показанный в совсем ином, подробно и уныло достоверном плане интерьер в первом и четвертом действиях?

Несколько претенциозно музыкальное оформление спектакля Н. Каретникова.

Жаль, что режиссер Д. Вурос недостаточно лаконичен, что он засоряет спектакль нагромождением необязательных деталей, специально придуманных мелочей. Кое-какие выдумки к тому же грубоваты и порой идут не по главному направлению.

...На сцене Малого театра идет новый спектакль. Уже сейчас у него есть защитники и противники. По-своему правы и те, и другие: в пьесе и спектакле есть и хорошее, и дурное. Но, думается, говорить о «Карточном домике» нужно по-доброму, с желанием помочь молодому литератору и не столкнуть его с тернистой подчас, но такого почетного пути драматического писателя. Ведь Стукалов, а вместе с ним и театр, пусть не всегда удачно, но бьются за высокое, за настоящее в искусстве.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

25